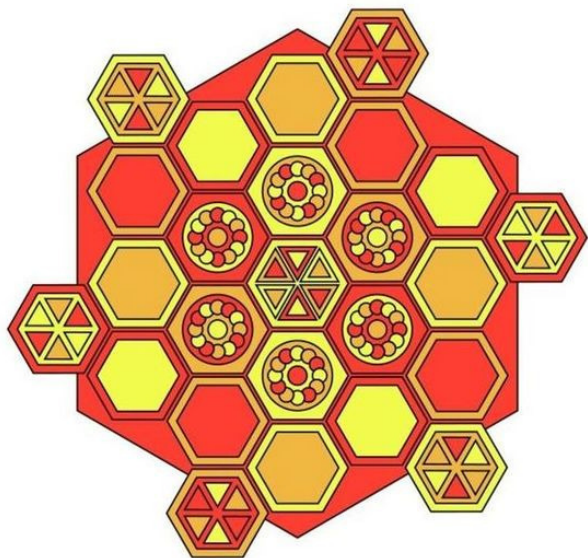

18+

Семён Бродецкий

МОЗАИКА

Семён Бродецкий

Мозаика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53660913

ISBN 9785449862662

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В сборник входят стихотворения, написанные (и переработанные) в период с 2018 по 2020 год в Москве, сознательно и бессознательно. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Я	7
Ледяной Век	9
Чёрное Величие	11
Красная Книга	12
Фауна	13
Кислота	15
Пуля	17
Инферно	19
<0>	21
Принц	22
Волна	24
Джессика	26
Grey & Brown	28
Небо	30
karmahammer	32
О_О	34
Ураган	35
Мертвец и Волк	37
Соль тела твоего	39
Стражи Стен	41
Извините	43
Гай Монтаг	44
Чёрный Холст	46

Выцветшее	48
Бафомет	49
Горизонталь	50
Mysterio	53
Фиолетовое Солнце	55
Дом	58
Сердце Дэйви Джонса	61
Однообразная фауна здешних мест	64
Ушас	65
Oriental Albedo	68
Сефирот	71
Свобода	73
Филин, дух дикого леса	74
Astra	76
Pagan SynthEtic	78
Небо	80
Лица Дверей	82
Ясная Весть	84
Зеркальные Дороги	86
Мы могли быть другими	88
Аманда	90
Бег	92
Бойня	94
Великий Пожиратель	97
Мозаика	100
Пульсар	103

Мозаика

Семён Бродецкий

© Семён Бродецкий, 2020

ISBN 978-5-4498-6266-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я

Я, разорванный львом,
перемолот был в мясо
у небес вопрошал «за что?»
отвечали не ясно.

смерть ходила за мной
размеренным шагом
за мной, по звезде,
родившимся раком

я вливал в себя
галлоны скорби
по здешним меркам
чуть меньше нормы

кто спустил меня
с цепи незримой?
кто до крыши залил
глаза мои глиной?

это свет в моих венах
от страха стонет.
это мой кадык
поплавком не тонет

в водах ртути,
в прибое диком.
я плыву, словно камень,
расколотый криком.

Вы поморщитесь, что
Земная порода
На воде быть не может.
Зависит от времени года.

Ледяной Век

Трясась листом в осеннее паутине,
Снег чуя ноем колен,
Человек из красной глины
Влюбился в манекен.

Манящие тайны:
Слово, которое было в начале, звук
И последний, не крайний,
Сердца стук.

Бреющий брови полёт,
Из стакана в стакан,
Из урагана в водоворот,
Из водоворота в ураган.

Свет.
Я тронул свет протянутой рукой,
Сиянье звёзд, мерцание комет —
Накрыл всё шёпот ледяной.

Море улыбкой бьёт о скалу,
С размаху, волны секирой,
Так же внезапно, как на балу
Появляется цирк вампиров.

В бороде осколки битого стекла,
Из расколотых очей,
Отражают блеск тепла
Долгих синих ночей.

Где тихий зимний сквер,
В котором бабу мы лепили,
Ты поднял веки, Робеспьер,
И тучи солнце заслонили.

Смерть пахнет белыми цветами.
Друзья готовят рыбу в котелке.
Застыли черепа глазницы, змеиными ноздрями,
За вентилятором на потолке.

Чёрное Величие

Море бритв
Аорты рвёт.
Храмы битв,
Атаки полёт.
Кто мечами
Апостолов бьёт?
Льёт страдания
И поёт.

Красная Книга

Заря захлещет по щекам,
В час волка зверинец заревёт.
Так передайте вашим дрессировщикам —
Не вымер всё ещё Народ.
Он понимает всё и видит,
Но выжидающе безмолвен, как собака,
Как бык, убитый на корриде
И оживающий под свисты горных раков.
Он – спящий лев,
Законный властелин.
Но слишком много в башнях королев,
А он один,
Не существующих республик Гражданин.

Фауна

По шахтам лифта шастает зверьё,
По потолкам и стенам бродит.
Их подвело приобретённое чутьё —
Они не понимают, какого хера происходит.

В подъезде душном,
В тупости злобного смеха,
То ли я видел твой силуэт равнодушный,
То ли я головой поехал.

Проповедь о боге Страхе
От пророка его дна,
С мудростью слоновой черепахи
И распиздяйством черепахового слона.

Перелезая через «зайчика» брюхо,
Из кареты выходит нога – куриный успех.
Святая женщина – это шлюха,
Не носящая мех.

Господа и самки, дорогие гости,
Каждой руке – карман, каждой ноге – крокс.
Приготовьтесь...
Последний парадокс!

Кислота

От наркомана до алкоголика,
В поисках ночёвки,
Ты идёшь за бесом, чёрным кроликом,
По грибы, в розовых кроссовках.

В пусковых колчанах стрелы Индры,
Акула у носа дайвера,
Истерично хохочут все головы гидры,
Голуби воркуют у уха снайпера.

Лишь в конце знакомясь с азами
(успокойся, ты меня ничем не обидел),
Ты шепчешь слезящимися глазами:
«Я никогда такого не видел...»

С полной маны синей бородой,
Глотаешь по утрам шипящие шины.
Чередовались с кислотой
Две весны Полины.

Я слышал, крылья раздают на Крите,
У бычьего рога,
У лабиринта порога.
Хотите —

Новых людей возьмите
У моего друга через дорогу.

Пуля

Не стыжусь, что поэт,
Христос не стыдился, что плотник.
Обходил стороной много лет
Запасной выход магазина «Охотник».

Неудобно признаться, что нравится розовый цвет,
Цвет секса и сладости плотского сна.
Обходила меня стороной много лет
Она.
Она,
Даже если не чья-то жена,
Никогда не бывает одна.

Редкая,
Меткая
Всадница
Смачивает в сквирте плеть.
Подставляет под ракету задницу
Торс, попавший в сеть.

Гранитные икры ног
Гладиаторов и амазонок
Давят вино из тревог,
Когда император – подонок.

Среди ветров, я удивляюсь почему
Никто не выходит из открытых ворот тюрьмы,
Молясь кому угодно, только не Ему.
Это – триумф человека над людьми.

Инферно

На пустоту, что на плечах, накинь
Изнанкой капюшон привратника.
Мы нашли ковчег церкви восьмидесятников,
Аминь.

Мустанги гуннов
Знают, как свою дорогу гнуть.
А ты знаешь путь
Цунами и тайфуна?

Сколько профилей в пучину кануло.
Поэт должен быть всё время пьян
И иметь серьёзный изъян,
Полученный в схватке спрута с гигантским тарантулом.

Слышен скрип, скрипки нехорошие нотки.
Что ты, ведьма, там из кожи варишь?
За руку ведёт меня товарищ
По лестнице вышитого узора косоворотки.

Хватит ныть!
Закружились вихри инферно.
Шрамы от спермы

На её лице

И сияние нимба в венце

На утро надо будет не забыть.

Что-то так же,
Что-то потеряно безвозвратно,
Меня мажет,
Мажет отвратно.

Распахнута молнии арка
В обряде марихуаны,
Из иллюминатора смотря на солнечную сварку,
Лечу из пустыни обетованной
В царство Раваны.

Врёт
Зеркала лёд
Красиво с голодухи.
На желании вето.
Боевой вертолёт,
Улетевший до размеров мухи,
За стеклом прихлопну газетой.
Не соответствуя анкетой,
Ты вчерашний
Выходишь из очереди боком.
Мигает на башне
Око.

Принц

По роще убегая от пумы
По глупости отчаян
Человек, не разумен,
Но обучаем,

Идёт через зал, кривой
И нагой,
Асексуальные пальцы ступни
Чертят танго кривой ногой,
Спотыкаясь о свежие пни.

У уха хлопают пули
Выруливая в головы наклон,
В огненном улье
Смотр киллеров (биатлон).

Нет алкоголю, нет никотину,
Нет плотоядности, нет размножению,
Да краскам, да глине
И рычащему пению.

Новые,
Может быть добрые,
Может быть злые,

Независимо от давления и погоды
Не хорошие, не плохие,
Не уроды.

Ночью на кухне пакет шуршит,
За окном скрэтч собачьего лая,
К ступням липнет гашиш.
Через десять лет тебя никто не узнает.

Плавает тополиный пух
Маленькими облаками,
Стройный дух
Освящает пыльцу ками.

Ты станешь мудрее, ты будешь не пьяный,
В анахате треснул шрам
От молока саванны,
Четыре раза пополам.

Волна

Исключительно красоте место уступающий,
Волнорез спасает мгновение
От кадров открывающих
Глазное кровотечение,

Сжимает в руке палач
Голову не успевшего рвануть террориста,
Как брезгливый врач
На конкурсе аутистов.

Ни одной части тела я не отдам,
Хоть и не жадный,
Похожей на нефтяную вышку мадам
Из секты лопающихся баклажанов.

Виднеется в открытом люке
Независимости дно.
Она устала от образа электрической суки,
Но другого ей, к сожалению, не дано.

Под жемчужной аркой
Правее виска,
Её отравили ядом заварки
На ноже из песка.

С двух рук на бегу
Хлещу свинцовыми вениками в кровавой бане,
От ударов волны берегу
Рыбий глаз в тюльпане.

Из окна выливаю воду,
Меня ждут во дворе веснушки,
И, судя по небосводу,
Мы находимся внутри ракушки,

В океанском пении
Кольшущихся глыб,
Пролетая со смещением
В паломничестве рыб.

Джессика

В возможные жизни играем,
В возможные грёзы вечного сна,
И в летнюю жару мы редко вспоминаем,
Как мёрзнут руки во все другие года времена.

Солнце кидает в реку с моста
Заката мантра.
Джессика спящей находит в кустах
Дикая Сандра.

Часовой тираннозавр,
Далёкий потомок провидцев французов,
Смотрит грустным взглядом волкодава
На тонущий плот «Медузы».

Эти фильмы похожи на сало,
Гудит неуютный минор.
В завершении ритуала
Молния ударит в тёмное пятно.

Любовника волосы цвета каштана,
Пирсинг, запахи, тату,
Медитативно наполняется ванна,
Вместо крови – птичий пух.

Столкнулись ленты новостей,
Как Шумахер и Баттистон.
Роза из рыбьих костей
И нарисованный стон.

Демонический аксессуар —
Новый учебник истории.
Джессику красит в нуар
Архангел по имени Глория.

Бог умирающий
И бог воскресающий
Ищет в сводах чертога
Пока ничего не знающего
Спящего бога.

Grey & Brown

Из носа течёт варенье.
Листья, глаза, рот:
По субботам и воскресеньям
В малине кто-то живёт.

Своих собственных лет покорители
(Хотя может даже они не принадлежат тебе).
Человек в небесах разрушительней
Божества на земле.

На приступе сердечной крепости,
Зелёных волос и красных глаз,
На ненависть отвечает ненавистью
И злом на зло, приумноженным в десять раз.

Каряя эфа и серая гюрза
Охраняют полубога колыбель.
Частотой ударов гроза
Заставляет думать только о себе.

Как Плутон не планета,
Так и дьявол больше не ангел,
Так вышибает из зрачков монеты
Смертоносная фаланга.

Выносит добродетель бесчеловечности
Из своих катакомбных комплексов
Ничто, враг вечности,
Центр вортекса.

Митра сидит в пустыне
В из яблок кругу,
Когда ближайшая звезда остынет
Он согнёт её холодные лучи в дугу.

Опускают жертвы в кислоту,
Те, без страха, в эфира какофонии,
Боль принимают за красоту.
Агония.

Небо

Над детской кроваткой зависли:
Колокол, её укрывающий звоном глухим,
И венец умирающей мысли,
Раскрашивающий стихи.

В озере бурлящем от битвы сомов и щук
Зелёно-жёлтом
Когда я увижу любовь, я вам обязательно сообщу,
Разбавив картину корнем молотым.

С лицом киборга, похожим на клещи,
Паровой бегемот
Стремится быть вещью,
Садясь в самолёт:
На прощанье не злиться и при встрече не целоваться,
Купальником, плюшевым медвежонком —
Чтоб в обгорелой пустыне валяться
Целым, не разлетевшимся на шестерёнки.

Ното sapiens лёг в третьем раунде,
Перспектива – мох на коре полена,
Под куполом мегафауна
Парника забродившего гена.

Двуногий криль,
Сломавший тонкие стенки гандонов,
Балянус, выросший на материковый киль,
С кожей, пропахшей гудроном,
Массово тупо молчащий,
Уродство своё берегущий.
Но чаще
Ненастоящее
Лучше.

Слеп к этому всеми глазами
Заоблачный кит голубой,
Отталкивая полюсами
Небо человека, с изувеченной душой.

karmahammer

В начале была мысль
И она взорвалась,
Собираясь бровями рыси,
Раскрывая кошачью пасть.

У меня закончились слова.
Похожая на яблоко семья,
Забор – за головой голова,
Шея, переходящая в черенок копыя.

Не положено!

Кассирша ресницы грязью завесила.
Эй, пассаЖиры, что у вас с рожами?
Ведь рабство это так весело!

Можно не думать, можно не делать,
Можно даже немножко того, что нельзя.
Два тела
Ещё не уснули, но уже не друзья.

Между тузом и шестёркой
Хуй проскочишь.
У меня встаёт на запах хлорки

До боли в почках.

Твои ноги не выходят из моей головы,
Под подвязки пот заливается.
Пустотой заполняет сердечные рвы
Вера в то, что когда-нибудь боги появятся.

– Зря,
Семён,
Переспелое,
Нечитабельно.

– Я
Всё
Делаю
Правильно

O_O

Любовь – холодная котлета,
Двухпальность – одиночества масштабы.
Всю ночь месили сон с нитьём рассвета
В моих глазах ебущиеся бабы.

Ураган

Что видите во мне,
Того, чего не вижу в себе я?
Явь проступает в кошмарном сне,
Карикатурными штрихами становятся друзья.

Рука об руку, спиной к Солнцу,
Вы стоите не замечая
Армии македонца
К югу от рая.

Ангел, заточённый в чёрном камне,
Что охраняла голодная свинья,
От испанцев закрывая ставни,
Раздал её кости своим сыновьям.

Тот, кто не был рождён,
Ставит моторных коней на дыбы.
Укрывает клён
Иву и ясень, лишённых судьбы.

Ветер резко ударил в рожу.
Разочаровывает идеальная форма.
Отращивай новую кожу
После шторма.

Имитируя любовь, зефир
В песке город закопал.
Зажги гирлянды сапфир,
Ведь может, ты последний раз в жизни спал.

Пролетает рыба,
Потолок кажется ниже,
Поднимает в небо воздуха глыба
Стаи книжек.

Но застыл ураган, не сомненье, не страх
Остановили его у калитки —
Рельефы вен на руках,
Плавные жесты и нежность её улыбки.

Мертвец и Волк

Письмо со смертью, стрела,
Ведьмой проклятая иголка,
Вонзилась в кулак
И я освободил волка.

Его имя – все четыре стороны света,
Эдема сокольничий,
Ладонью ловя кометы,
Узрел звезду на востоке полночи.

Прекрасна мечта
Адама и ада,
Он дошёл до ворот, до меча,
И не одолеть ему дальше преграду.

В его лице гниёт тайна имени,
В паутине серая борода.
На путях, проложенных минами,
Силу любую смывает большая вода.

С могилы, истины движением,
Снимает трёхсотлетний карантин
Пилигрим разложения,
Исполин.

Один кормящих за руку кусает,
Другой рассеял голод по деревне —
Не спят и не моргают
Старейшие хранители вселенной.

Враг будущего, ностальгия,
В век золотой далёкого запада,
Затягивает в узлы тугие
Умершее Завтра.

Соль тела твоего

За обезболивающие грёзы
Слёзы
Вставшим ангелам продай,
Смотря на звёзды
Под собачий лай.

Сын готических близнецов,
Переживший крокодилами травлю,
В отличие от творцов,
В секрете от отцов,
Делает правду.

В озеро жизни смотришь ты,
А там отражения пародия,
И белеют цветы
Под холодную мелодию.

Мировой разум в маразме
(маразум),
Подводные лодки и танки
В непрерывном оргазме
Выворачивают себя наизнанку.

Патриотическая тюрьма —

Самый дешёвый клей,
Тьма
В сердце маковых полей.

Я вернулся, мой забор родной,
Скоро снова улечу.
Я пришёл домой
И зажжёт свечу.

Стражи Стен

Из тех, под стеной кто не молился,
Умнее тот, кто говорит картаво.
Я так и не научился
Здесь работать и там плавать.

Для самоубийства поводом
Может быть только скука.
На другом конце невидимого провода
Молчит разлука.

Механизмов пар,
Пальмами заросла веранда,
На дороге фар
Красная гирлянда.

Облака танцуют,
С воздуха видно сушу,
Колючую проволоку целуя
Свечи труб ветер тушит.

Песня, бритвой по языку,
Немотой забвений,
Прижимает к взведённому курку
Пепел тени.

От боли не чувствуешь страха,
Не чувствуешь боли, когда погасили свет.
У слепого монаха
Линий на ладонях нет.

Вы ничего уже не исправите,
За зимой приходит гроза.
В моём внутреннем парламенте
Ни одного голоса «за».

Обломки звёздного трека
Разбросаны по пустым цехам завода,
От двадцатого века
До двадцатого года.

Извините

«Ну Сеня, блять!» —
Как много раз
Я эту фразу слышал,
И,
Хоть ебалом я не вышел,
Пинки от жлобских глаз
По выправке меня не ссучили стоять.

Гай Монтгаг

В огне весна похожа на осень,
За тебя выбрана роль,
Когда пеной твой дом заносит
Имена вызывают боль.

В шлеме из красной смородины
Жук-пожарник палит клён
Родины,
Где ты не был рождён.

А та страна, в которой ты родился
Густо протекает из всех щелей,
Ты вдоволь напился
Этой смесью из крови, дерьма и соплей.

Смотрит в разные стороны с герба курица,
Застыли в оконной раме,
Будто кладбище, улицы
С надгробными домами.

Огнемётчик из брандспойта спасительный дождь
выливает,
Он в комнату влетает
Под косым углом.

Эта лужа настолько большая,
Что в ней поселился сом.

О героях лишь в книгах читаю,
Восхищаясь слабыми глазами.
Море моё, по тебе скучаю
Застывшими слезами.

Всё лишнее сжигаешь,
Пепел развеян ветром.
За пылью наблюдаешь
В занавесках, продырявленных рассветом.

Чёрный Холст

Ты похож на вылезший из грязи внедорожник,
Сияюще бухим,
Не поэт, а художник,
Что пишет стихи.

Взгляни на рисунок, на что похоже?
Астроматематика,
Солнца богов погребальное ложе,
Движения статика,

Химия звёзд,
Реакция на небесном стекле, на заре.
Не всерьёз
Кришна забирает в хоровод планет.

Отбеливают горы света
До седин.
Дарует начало комета
Династии глубин.

Анестезией во рту у храма
Все пределы забрызганы.
Освещает Далай Ламу
Изгнанного избранность.

Падая в ослепительной вспышке истины,
Озарившей темнейшую ночь,
Воскресла воистину
Птиц белая дочь.

Где гремучая змея призывает грозу,
Мы кострами встречаем
Полуденную бирюзу
В берёзовом воскресенье мая.

Хладнокровно ядовитые глаза
Смотрят с плеч Рудры,
Как Индра вернулся назад
На быке по имени «Утро».

Погасла
Молитва кусту
Неоновым маслом
По чёрному холсту.

Выцветшее

В тишине траурного момента
Накрывает край бед
Святого Георгия лента
Жовто-блакитная напросвет.

Бафомет

Назло
Стаду идущему в такт барабану
Козлом,
Быть лучше, чем бараном.

Горизонталь

Руками ти-рэкса
Слёзы утри.
Не говори с сексом о сексе,
Просто не говори.

От твоих ног в моих – дрожь,
Ради тебя сделаю свой взгляд уже,
От красоты на лице нарастает ложь,
Но, извини, «богатый внутренний мир» ещё хуже.

Спустя один миг вечности,
Выворачиваясь изнанками,
Сверкает в своей безупречности
Гроза над воздушными замками.

В погоне за погонами,
После сражений заходя в бар,
Обнимаются ладонями
Самурай и воин-ягуар.

Под мини юбкой пинап монашки
Начало трётся о бедро,
Бунт по городу разбегается мурашками —
Отару уводят воры у воров.

Пересекая границу
Сожги свои волосы.
Делирия зарницы
В запое севшего голоса.

Твой путь – содержание небольшой повести.
Как лучше, скажи:
Жить по закону, понятиям, совести
Или по лжи?

Пригородов социализм блатной —
Уродливая быль,
Республиканской весной
Догорит эта гниль.

Грозят друг другу ключами от ада
Боссы государственных шаек,
Ворон торжествует над распадом
Небо накаляя,
Одноглазый, с железными трёхпальными когтями,
Как никогда злой.
Мы становимся друзьями,
Словно смола с хвойной иглой.

Шапки снимите —
Пала Троя,
На власти осев разлитой
Горизонтальным слоем.

Mysterio

Летя спиной вниз
Защищаясь от стервятников,
За полметра от приземления завис
Над грудой павших соратников.

Вскидывая руку стукач-патриот,
На обоссанный гараж похожий по всем приметам,
Изгоняет лунный народ
На недобрую планету.

С робким взглядом местного
Не знаешь ни шведского ни греческого,
В известности сверхъестественного
И неизвестности человеческого.

У качества средняя цена,
Конфетной обёртки текстура
Блестит в восьмилетних снах,
Это – природа, а не культура.

Неистовый тибетский маг
Немым восклицанием
Подпространству показывает кулак
В кризисе прорицания.

После критического урона
В ветхозаветном b-movie
Вернулась ворона
С гроздью винограда в алмазном клюве.

С ушами забитыми смолой
Визжат голоса, думая, что поют.
Толстый общества слой,
Где люди не стареют, а гниют.

Грустна и напрасна гибель героев
Беспричинно, но ярко что умерли
В тени новостроек
В гражданские сумерки.

Голоса прекрасных гандхарвов
До размагниченной плёнки заслушал,
Чередую сокрушительные удары
Дьявол и Смерть сражаются за твою душу.

Реконструкторы Катастрофы
Пачкают собой чужие места,
Восстали против великого моффа
Эльфы с менорами на щитах.

Фиолетовое Солнце

Лжепророк заполняет ковчег химерами,
Если что, спрячешься в синагоге.
Отдаёт крайними мерами
Стул пустой на дороге.

Зрелости испытание:
Ты – улов
Затупляешься в ожидании
Неизвестно чего.

Демонов радуги конь
Белого цвета напился,
Разогнав цирковую вонь
В девушку-клоуна влюбился.

В солнечный сон после обеда
Погружаются геи-гориллы.
Прокравшись между двух столбов людоеда
Бесполезно точить вилы.

Рвота
Уликами по углам.
Сначала появились ворота
И только потом храм.

Скажи мне странник как
Вернуть узор татуировок стёртых?
Вторым пришествием Спартак
Пройдёт сквозь землю мёртвых.

Двуликий мраморный хранитель
Стоит меж двумя полярными утопиями,
Смотрите!
Проходит взеземная колесница под пульсаров копьями.

Плебс ловит жесты бессмертного Пилата,
Лечь готов во рвах.
На ложе, без оружия, солдаты
Соединяются, с цветами в волосах.

«Здесь смертью всё карается» —
Гласит герб банды на наплечнике.
Дыханьем ореады зажигаются
Трубы семисвечника.

Съезжает в реку красный дом,
Сквозь брусчатку прорастает клевер,
Побеждён юным теплом
Император Север.

Солнце заходит в метро.
Суть медитации рыбака —
Пустое ведро.

И в облака...

Дом

Держатся за руки львицы Сиона,
Девочки защищают страну и народ,
Дети Самсона
Разрывают Голиафу рот.

Во втором доме офицеры мочи
За крысиным королём на цыпочках семят...
Молчи.
Паук храни меня.

На дыбе удлиняет инквизиция Испании,
Средневековья послы.
Говоря о росте, если б я был зданием,
Меня бы снесли.

Ты умрёшь до своего рождения за пару дней,
По здешним порядкам не так уж и скоро,
Не узнав сколько надо убить людей,
Чтоб твоим именем назвали город.

Обнимает плоть дыма
Твоей личной жизни вечерний показ.
Один из трибунов Рима
Двумя пальцами раздавил алмаз.

Оголённым быть не позор,
Говорить, что право есть право, а лево – лево,
Ведь если бы не забор
Ты не поднял бы взгляд выше в небо.

Басы раскатываются по пустым венам,
Ты моя, чтобы ни пела,
Не смотри за стены:
Некрасивое тело —
Это мёртвое тело.

Всегда можно быть ещё сильнее,
О молот ударяющимся молотом.
Нет тени чернее
Тени от золота.

Три пары рук
Жонглируют луной незримой,
Совершив полный круг
Мы возвращаемся в зиму.

Разбитое тело зажило,
В книге репатриантов отмечился.
Прекрасна Ночь Микеланджело,
С которой я так и не встретился.
Её руки и плечи
Самой её сильней.

Море лечат
Утюги кораблей.

Сердце Дэйви Джонса

Семь смертных планет,
Ноты дней недели,
Миллиарды лет
Песни творения пели.

Но Солнце устало
И засияло белым,
Последняя сила пала
Обретая тело.

Проповеди юродивого итогом дня,
Липким веретеном.
Домовой, колокольчиками звеня,
Выкинул свет в окно,

Добродетель неверия.
Медленно танцуют под окнами твоей спальни
Цвета слоновой кости дерева
С чёрными шипами.

На хребте колосса
Мешком с блаженством
Тянут зубами тросы
Две головы в короне совершенства.

Слёзы неприкасаемой девы
На монетах вращаются со стоном,
Король и королева
Смотрят в разные стороны.

Обнажён золотой меч,
В нём блестят драгоценные соты,
Пчёлы мёд ставят в печь,
Доделана Великая Работа.

Жемчужины в хвосте павлина
Подмигивают любви в кустах,
Её волосы укрыла тина,
Снег остывает на сапфировых цветах.

Нулевая карта в колоде
Оставляет ожог на руке.
Я собрался и, вроде,
Вся жизнь умещается в узелке.

Жезл огненных эльфов
Освобождает меч воздуха.
Праздник аквариумного шельфа,
Парк без культуры и отдыха.

Вершина горы
Сужается до иглы
Штопающей дыры

Сопревшего мундира.

Добровольческие жертвы бензопилы

Отрекаются от этого мира.

Однообразная фауна здешних мест

Даже если достоинством он не велик,
Чётко знает, какой пол сильный, а какой – слабый.
Мужчина здесь не мужик,
Если не считает женщину бабой.

Ушас

Движение твоё не вверх, а вперёд,
Радугой на заре сшитом свитере,
Мешает в стакане лёд
Из самоцветов скипетр.

Накренился трон на щите,
Что нёс его упал от голода один из четырёх нищих,
Короля по зубам бьёт кастет
Надетый на ногу Кришны.

Слабость скрывают кожаные доспехи,
Изнутри пробивает нагрудник
Ксеноморф с хриплым смехом —
Так кончаются праздные будни.

Целомудрия царица не заслужила власть,
Пренебрегая изобилием,
Отсекая страсть,
Отрастив синие крылья.

Награждает радость любви тех, кто смел,
Врывом от встречи случайной,
В соединении тел
Раскрывается тайна.

Кровью иллюзий чаша вскипает,
Перед рассветом самые яркие сны,
Друг друга встречают
Два всадника у серпа луны.

Рассекать тонкую веру
Для здоровья не вредно,
Изумруд на лоб Люцифера
Вернула бездна.

В поисках памяти бог войны
Нашёл то, что будет,
Высекая на стене своей спины
Таблицы судеб.

На берегах дельты Млечного Пути
Костры из костяного хвороста.
К нам подъедет в районе пяти
Женщина иконного возраста.

В твоём теле смерть завелась,
Пустой книжный лист,
Солнце откроет пасть,
Облака окаменеют и рухнут вниз.

Здесь дороги только из железа,
В самом большом на Земле гетто,
Мы увидим, когда спадёт завеса,

После осени лето.

Рыбацкие войска заряжают снасти,
В дебрях патриотизма бросая друзей,
Родители, от страха перед властью,
Предают своих детей.

Oriental Albedo

Смешав энергию капитала
С силой братьев разделённых
В неисчислимых жертвах ритуала
Сплетаются ветви влюблённых.

Ласточки в кроне оленьих рогов,
Предвидя погоду ненастную,
Находят здесь кров,
Прячась от чего-то древнего, вечного, ужасного.

В это лето дождливое
Надевает новый мундир
Жертва молчаливая,
Чьё тело – весь мир.

Сплетаются корни разума, в узел не разрубаемый,
Тяжело дышит мозг изношенный,
Берега неразгаданной тайны
Омывают воды прошлого.

Отравлен колодец причин
Деревенским умалишённым,
Странно пахнет от бывших мужчин,
Птиц, душ не рождённых.

Скрылась в карнавале Ватикана
Кельтская лиса,
Оживляет инеистого великана
Медовая роса.

Задушенные фантазии
Поглощает змей ДНК,
Папоротники переворачиваются в экстазе
Цепляясь корнями за облака.

Падая в пасть земли,
Убегая от ступней тирана,
Сгребаешь на мокрые угли
Листву равнин Урана.

Густая кровь граната
Делает тебя не трусливым,
И видно из окна палаты
На свадьбе яблонь сливу.

Всё громче костры поют
И близким становится даже самый дальний,
Подарила тебе уют
Мачта пальмы.

Перегнивает липа дворянства,
Всем, кто рубил – на лоб тавро,
Ошибочно приняло в свои ряды крестьянство

На тайной вечере политбюро.

Жуя жвачку – жуй жвачку,

Делая дело – делай дело.

В чём-то красном испачкавшись

Душа покинет тело.

Сефирот

Точно в районе лба каску
Открывает ключ молнии и ветра.
Я так на плоть натаскан,
Что вижу твою шею за триста метров.

Надевая ранец
Покидаешь селение,
Это танец,
Это представление.

Восставшее техноязычество —
Для киборга свежесжатый сок,
Не решает количество,
Когда кончается срок.

Я снимаю с петель засранные любовью ставни,
Светом заполняя рамы окон разбитых,
Моё лицо останется камнем
В твоей грудной клетке закрытым.

Мне нравится всё: и метель
И тропический ливень.
Нащупала корнями ель
Мастодона бивень.

Одной кнопкой на пульте включая алтарь и очаг,
Новость – это новость, даже если не новость,
Сощурившись ищет где враг
Мрачная славянская жестокость.

Брахму не поминай всеу,
Он сном слишком загружен,
Даже если сверхмир существует,
То всё равно ты там не нужен.

Распад побеждает всё,
Свечения зелёного водоём,
Никто не спасёт
Репликанта умирающего под дождём.

Пускает медиа-шприц
Себе по резиновой вене мутант,
И нисходят с созревших страниц
Тиамат, Апофис и Ёрмунганд.

Свобода

Я хочу охуеть от свободы,
От свободы должно тошнить.
Либо так, либо скоро кроме погоды
Нам будет нельзя ни о чём говорить.

Скромность не признак ума,
Когда оказался в яме говна.

Филин, дух дикого леса

За что мы больно делаем друг другу?
За счастье, за любовь, за смех, от скуки,
В чистоте водяного круга
От крови умывая руки.

Завою словно озверевший бард
Я в полнолунье, не усну.
Эй, братец Март,
Неси весну!

Календаря колючей проволокой
Изрезаны даты сутулых спин,
Без языка церковный колокол
По морозному воздуху доставляет кокаин.

Сегодня на небе первый расцвёл цветок.
Иглой
Золотой
Миnor пропороло.
Солнце всем подарил голубой потолок,
Независимо от нетающего пола.

От страдания улыбаясь,

От отравленных фраз,
От себя убежать пытаюсь
Ты ещё больше в трясине увяз.

Фратрия призывает на сухое влагу,
Трава чтоб росла под дождевой косой и крепко ноги об-
вила,

Татуировку речи нанося на бумагу
Чернила
Шилом.

Поцелуй мои цепи
И я приму твои роды,
Мятежа звенья сцепит
Отломанная стрелка компаса свободы.

С пыли пыль своей детской майкой вытирая,
На устья реки садясь диван,
С земли слишком рано оттаявшей подбирая
К перспективе слова.

Смотрит сквозь выхлопную завесу
В то место, где ты был спилен
Дух дикого леса
Филин.

Astra

Нас старый дом ослепит
Созвездием нерешенного ребуса.
Азазель закован в цепи
В катакомбах Лас-Вегаса.

Чёрная кровь вервольфа
Делает детей красивее,
На планете для гольфа
Демоны едят своего мессию.

Замурованными квартирами,
Звёздные города, усеянные трупами,
Возведённые лирами
Сокрушатся трубами.

Убейте вещи,
Без них не будет зависти и злости.
Сквозь плоти трещины
Засмеются кости.

В туманности волос комета заколки —
Сложного простое решение.
К другим чувств осколки
Собираются в целое опустошение.

Вкус жёлтой воды
На висельника дверной петле,
Пережало кадык
Книгами, сваренными в ведьмовском котле.

В роще рогатой совы
Жениха поднимают на стуле,
Врагов народа Давид
Приглашает на танец акулы.

На орбите корабль сел на мель,
Слышишь,
Как космос дышит?
Похитили твою постель
Летучие мыши.

Pagan SynthEtic

Ничто человеческое им чуждо,
Они не стареют,
Растягивая дружбу
На баяне батареи.

Артиллерист, дирижер войны,
В землю врывает пехоты бег,
Земля, это твои сыны
Ложатся под грибной снег.

Закончив творить,
Бог начал рычать.
Тебе трудно говорить,
Ты не можешь молчать.

Пасутся берёзовые зебры
Среди пластика полей,
Царь белых негров
Не знает людей,
Царь боится людей.

Дозор дождливого дня
Паутины разбивая лёд,
Строит стену из святого огня,

В котором не горит бумажный самолёт.

Серебром сколотого зуба
Выкреста болотника,
Хозяина райского клуба
Святых негодников,
Дракона
Икона
Бережёт ложе мужа.
Нарушитель Закона
Идёт по лужам
Разложившейся прошлогодней стужи.

Светятся в темноте шрамы
Предтечей зари,
Обратным отсчётом гаммы:
Четыре, три с половиной, три
(окуроченная туша о стыд
предательских спин
трусливых навзрыд),
Два, один...

Небо

У женщины-солнца на лестнице-радуге
Облака принимают роды,
Невидимых стрел рассыпались ягоды
В отливом отошедшие воды.

Вечера овод крадёт огонь
На полумесяце натянутого лука,
Расходятся шёлковый конь,
Риса душа и жаба бамбука.

Золотым лицом в горе
Упёршейся пиком в бездну,
День хранит секрет
Спрятанный в крови железной.

Кристалльная дева в красном потоке
Три народа обрекает на муки,
Топя их в тропическом роке
Из которого она вылепила себе руки.

Потомки семи семей
Заклучили договор со смертью,
Нет зверя коварней и злей
Собаки с золотой шерстью.

Отшельники небесные
В саронгах из крапивы
Телесное
Выдыхают с приливом.

От рожденья слепа
Тишины и взрыва дочь,
В море на небо тропа
По которой ступает ночь.

Лица Дверей

В ведущие на смерть мифы чужие играют
Двадцатилетние дети,
Оружие врагов сжигает
Предрассветный ветер.

Любовница неотвратимой беды
Растоптала тех, кто ниже ростом,
Собирает её следы
Вертикальный перекрёсток.

Ночные молнии в гавани
Отбеливают виски,
За каюты закрытыми ставнями
Марс за Цезаря отомстит.
Парящий под собственным весом,
Он преисполнен соратников ножами,
В шуме леса
Похороненный под щитами.
Его венец
Уже не найти,
Как конец
И начало обрезанной нити.

Двери, в которые можно только войти,

Ведут к тем дверям, из которых можно только выйти.

Ясная Весть

Третий сын драконоборец
Предал жизнь отчизне,
Прорастает в горе
Мысль не-жизни.

Царь-колдун предельно ясно
В протокол пишет формулы, пропадая
В белом, в красном
Появляясь,
Мир расплавленным металлом очищая.

Небесная твердь звёздной ночи
Тысячу сказок спела,
Она отличалась от прочих:
Её любовь – вода, огонь – её тело.

Демонов белый шах
Высушивает в понимание
Соль в слезах
Заточённого в башне молчания.

Как знамя фартук кузнеца
Укрывает теплом,
Сын не рождённого беглеца

После смерти стал отцом.

Весть мирная растопила тревогу,
Весь восток Ахриман простил,
Все ложные имена бога
В созвездии трёх светил.

Зеркальные Дороги

Промой глаза – ты видел мёртвых,
Ты слышал то, что необъяснимо,
А из твоих колен протёртых
Вернулись стрелы на небесные равнины.

Картиной в синих тонах
Смелость уснёт в дикаре,
Только предки были на его похоронах
На упавшей с неба горе.

Из земли его плоть
И кости его из ивы,
Ему удалось скорлупу расколоть,
Поднимая лицо из жемчужин прилива.

Связи незримая сеть
В потоках исчезает,
Бог утёса, чёрный медведь,
Воду копьём пронзает.

Пёс саблезубый смотрит в зеркало из паутины,
Пряча иглу в рукаве,
Обваливая плотины
Пытаясь найти наконечник стрелы в горящей траве.

Глаз пылающие зеркала на морских дорогах
Разливают по пинтам отраву,
Танцует под свирель козерога
В плаще из колосьев журавль.

Из пены волн катана в чёрной берёзе
Подчёркивает конец погони,
Он потом допишет это в прозе,
Тебе протягивая лезвие ладони.

Раковин перстни у пришельца на клешне,
Похищенная жена чужая
В огне
Рождает.

Мы могли быть другими

Мы могли быть другими
В мире, укутанном в колдовстве.
Ты – с мечтами морскими,
Я – с берёзовым нимбом на голове.

Путь тормозной
В четыре тысячи миль длинной
Проделан несокрушимой и звуковой
Волной
После которой ты чудом остался живой.

Из труб вознесётся серого дыма зародыш
Благословляя на власть ждущий режим,
В невесомости ложе
Мы сердцами друг к другу лежим.

В ладони орбитальных вихрей
Судьбы непредсказуемы разломы,
И слышен стал, когда оркестры войн утихли,
Шум колоссальных волн морей из брома.

Слезами раны залатал

Прошедшей через сотни битв души
Художник, что совершенство рисовать устал
И сжёг карандаши.

Полыни запах носит стужа
Чистейшим спиртом оседая на губах,
К полудню тает, отражаясь в луже,
Седая мать с невидимым ребёнком на руках.

Аманда

Кровь золотая течёт из глаз,
Тебя охраняет зимний зверь,
Ты поняла сейчас первый раз,
Что зеркало – это дверь.

На последнем, не крайнем, севере
Принимая ванну из сладостей,
Смотришь поверх веера
В мрачной радости.

В глубоком сне ты дышишь волнами,
Что глядят мохнатый берег,
Смехом дыханье наполнено
Тех, кто в тебя верит.

На сиянье веснушек ягодиц друида,
Раскрываясь, бутоны самой честной любви встали.
Добровольно рабы пирамиды
Кидают детство в пасть морали.

Невинный вёдрами крови тушит пожар,
Вибрацией неудержимых страстей,
Напряжёнными бёдрами задрожал
От изгибов тела короля фей.

Богини Урана экстаз в пророчестве,
Акт сплетённых ног.
Знай, что в своём одиночестве
Ты не одинок.

Бег

Грустью новый рассвет
Наполняет зарю,
Друзей уже нет,
А я всё курю.

Я оконной рамой
Обрезал луну,
Сжимая в кармане
Времени струну.

Это сумерки ума – молитва,
Одиночества ночь,
И кроме бритвы
Тебе некому помочь.

Поскользнётся бег
В сугробов горе,
Когда весь снег
Превратится в море.

Молчанье душу рвёт
Музыку заглушая,
Смеха первый полёт
Когтями обрывая.

Это сумерки ума – молитва,
Одиночества ночь,
Закончатся битвы,
Унося слёзы прочь.

Поскользнётся бег
В сугробов горе,
Когда весь снег
Превратится в море.

Бойня

Понедельника повстанцы
Сплетают в рассветы
Вибрацию танца
С вибрацией цвета.

Погасшими страницами
От доброй шутки
Под ресницами
Обрушится дом рассудка.

Резиновых мускулов чистота
Исполняет только нужные из желаний,
Как и улучшенная красота,
Любовь идеальна без воспоминаний.

Просыпались слова рассказчика
Святой росой на крапиву.
Реальность подозрительно навязчива
И кажется фальшивой.

Песня водой рассекла
Горло песочного певца.
Распят Бог Стекла
На суровых бровях своего отца.

С минаретов вопит монолог
Лишённый размера и веса.
По приказу Богини Дорог
Жестокие пилы впиваются в царство Бога Леса.

Праворульный слепой патриот,
Глухая левосторонняя крайность
И роковой повстречавшийся идиот —
Всё это тоже случайность.

Отражаясь в чёрном кристалле,
Проникая в себя глубоко,
На губах близость оставляет
Снега молоко.

В некрологе могла быть твоя реклама,
Пока ты жизнь грядущую
В текущей
Не сварил.
И создал Адам другого Адама
Из той же глины, из которой себя сотворил.
И жили они счастливо
От столкновения к столкновению.
Как они метались, змей смотрел участливо,
От Древа Смерти к Древу Забвения.

Настал год расставаний.

Сжигая месяцы на костре,
В пламени ненастоящих названий
Добытых в жуткой игре.

На груди с лоскутной заплаткой
На траве у реки он плясал.

Автор заплакал,
Когда эту книгу писал.

Великий Пожиратель

Смысла лишённые веса,
Для своих кораблей нашедшие паруса,
Вернутся все бесы
На небеса.

Ты тоскуешь по тому, кого ещё не знаешь,
Ещё не пришедшему устраивая проводы.
Надувной негритёнок летает
Беременный голодом.

Дождь зимой —
Изгнания вдвое урезанный срок,
Обманщик не злой,
Просто правда – это лжепророк.

Грязное изрыгает пророчество,
Пожирает недвижимость потоком сели,
Одиночество —
Признак появившейся в жизни цели.

Обниму, уткну бороду
Глухих ожидания лет,
У окна над городом,
В твоих ягодиц силуэт.

Псарь всей оси
Славен своими загулами.
Под куполом цирка висит
Мальчик, спасённый акулами.

Счастья слепая вестница
Ходит наоборот
По ступеням лестницы
Наверху которой сидит кот.

С паутиной на веках
Лежит на троне
Чувств калека,
Рисуя маску на ладони.

Пророчица предсказуемого итога
На блуд пострижена,
Уходя из подводного чертога
На дерево в хижину.

За спиной шаги
Ищут кармы долги
В слишком низких для смелости сводах,
Галактик ширятся круги
На космоса водах.

На талии его звенит монисто,
Под танец возбуждённого вестала,

Страстного и неистового,
Киты уплывают в порталы.

Он ест сердца и души,
Плоды и семена,
Движением запястья щедрости алтарь разрушит,
Последняя из жертв принесена.

Мозаика

На облачной арене,
Небесном стадионе,
Все гладиаторы гарема
Участвуют в аттракционе.

На пушистой розовой планете
Наивности пропали дневники
И вносят исправления в сюжете
Космонавты-часовщики.

Заросла крона
В ветвях четверга,
Угнездились вороны
У жрицы в лосиных рогах.

В платье из чёрной материи
Пришла герцогиня гроза,
Вытекает из атмосферной артерии
В виде сердца слеза.

Только во флаг одетый,
В лоскуты старого знамени,
Традиция окоченевшая согрета
Династией пламени.

Над джинсами рваными
Шипит открываясь банка,
Чувствами незванными
Влюбилась в тебя цыганка.

Ждёшь соблазнительным взглядом,
Знаешь, что мы рискуем,
В моменте временем снятом
Я спасу тебя поцелуем.

Впиваясь зубами в мороженное,
Так что съехала на затылок корона,
На шее принцессы всего уничтоженного
Ожерелье мутнеет из эмбрионов.

На пяти руках держа планету,
В тёмное прошлое их веди,
Землетрясением подбрасывая монету,
Красным глазом вылезает сердце из груди.

Браслет из льда и огня
Звенит и трещит в погоне.
Пустая тёплая простыня.
Ты слетела с ладони.

Сквозь бутылочное окно
Смотришь на звуки игры мулатов,
Размывается в матовое пятно

Дворец водопадов.

Из крови выкованный меч
Растекается по руке,
Высокое напряжение плеч,
Ветвь трещин на щеке.

Пульсар

С проколотым соском
Тело каучуковое напряг,
Облизывая якорь языком
Красит губы моряк.

Всё взорвалось масляной краской
Всё пачкающего разноцветного стона,
Без прикосновений лаской
Беседы сатира и тритона.

Уже не существующая звезда блестела
Освещая новорожденные острова.
У звезды белое
Тело
И чёрная голова.

Хохочут из тсантса серьги,
Бездорожья темнофоры и знаки,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.